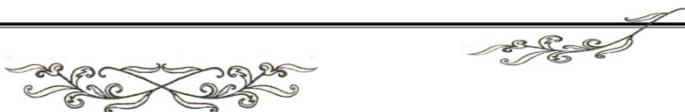

Эмили

Повести 268 стр. DIN A5
ISBN 978 – 3 – 941953 – 65 – 9

В книге четыре повести, посвящённые жизни российских немцев. Детально описана их жизнь в довоенное время и во время Великой Отечественной Войны, когда они были депортированы с мест их проживания на восток Советского Союза.

Книгу с интересом прочтут читатели, желающие ближе познакомиться с судьбами российских немцев.

Эмили

Неисповедимы пути твои, о Господи! И не дано знать человеку, где споткнётся он в жизни своей, и надо ли считать это только предупреждением ему или причислить к наказаниям Божьим за уже совершённые грехи — Бог знает! И не думай, не гадай, человеке, ничего ты не придумаешь и ничего не угадаешь! Живи себе, делай ошибки, учись на них и ошибайся снова, ибо такова участь жизни твоей на земле. Покайся, если сможешь, и живи — «всё придёт на круги свои», ибо такова воля Божья!

Солнце поднялось высоко над горизонтом, и его жаркие лучи нещадно жгли пересохшую от длительного безводья землю. Дочь спозаранку отогнала колхозных коров на старицу, зелёную луговую пойму наполовину высохшего старого русла реки, и с нетерпением ожидала там отца, чтобы передать ему стадо и бежать в правление колхоза на утреннюю разнарядку. А старый Густав продолжал неподвижно лежать на самодельной деревянной двупалке, до подбородка укрытый вылинявшим, выдавшим виды покрывалом, и мысленно прокручивал и прокручивал свою жизнь. История получалась нескладная — не жизнь, а сплошные взлёты и падения.

Мысли, тяжело ворочаясь в голове старика, высветили одно из ярких воспоминаний — счастливый день его свадьбы. Сейчас, стоя у края могилы, эта свадьба представлялась ему дерзким вызовом бродившей в то время по земле голодной смерти, как насмешка над её бессилием победить жизнь. ...

Тогда мысли его были заняты суженой, ненаглядной своей, худенькой голубоглазой красавицей Эмили и тем, что ему здорово повезло в жизни с невестой. Господи, когда уходил на службу в Красную Армию, разве мог он себе представить, что, вернувшись домой, встретит ту самую босоногую девочку, что пугливо выискивала глазами его, прячась за мамкой, когда их, новобранцев, торжественно провожало на службу село? Пока он служил вдали от родины, время сотворило величайшее из чудес: вернувшись домой, вместо пугливой угловатой девчонки он встретил распутившийся цветок несравненной красоты и обаяния! Это сравнение с цветком, родившись однажды, не покидало его воображение всю последующую жизнь. Несмотря на годы и естественное старение, жена оставалась в его глазах всё той же ненаглядной Эмили, какой она была в год их свадьбы ...

.... В те лютые годы разгула голода и смерти выдала вдова Траубенбах свою дочь Эммочку замуж за Густава. Громкой и весёлой свадьбы, естественно, у них не было и быть не могло. В обеих семьях полный развал, на что гулять прикажете? Так, посидели втроем вечером в родительском доме за столом, поговорили о сложностях жизни да о том, что следует

молодым сделать в первую очередь для налаживания совместной жизни, попили чай, настоянный на травах, да поели собранные к свадебному столу ягоды. Вот и вся свадьба. А как солнце клониться к закату стало, пустила мать облегчающую душу слезу, обязательную при расставании с дочерью, сложила в небольшой узелок её вещи, добавила к ним что-то из своих дорогих сердцу предметов, оставленных её родителями, и пошла Эмма за Густавом, оставшимся в отцовском доме последним из жильцов. Остальные-то умерли, кто под весну, а кто ещё во время холодной зимы ...

Молодые Кили жили, как и другие колхозники в селе, в поте лица своего добывали хлеб насущный и потихоньку обустроивались, так как в доме в начале их совместной жизни ничего не было, хоть шаром покати. Оба трудились и получали что-то за нелёгкий труд ... Однако, несмотря на житейские неурядицы, жили молодые, как два голубка. Ни ссор, ни грубых слов в доме слышно не было. Они были счастливы уже тем, что шли по жизни рядом.

Прошло немного времени, и подарила Эмили Густаву двух дочерей-погодков, Анье и 'Эвели (Анна и Эвелина). После рождения дочерей жизнь супругов Киль приобрела определённый смысл: молодые папа и мама стали жить для детей, радуясь их первым словам и шажкам, появлению первых зубиков и расстраиваясь, если крошки заболели или начинали недомогать.

Спустя ещё три года появился, наконец, и сын, о котором Густав мечтал с первого дня их совместной жизни. Эмили была на седьмом небе от счастья, что смогла подарить любимому мужу наследника. Рождение сына было выражением её благодарности за искреннюю, нежную и чистую любовь мужа. Счастливы были и дети Анье с Эвели, ведь у них появился маленький братик, который, когда вырастет большой, будет защищать от обидчиков. Вальдемар, так называли они его. Или ласково — Вальди ...

«Человек предполагает, а Бог располагает», — говорится в народе. Счастливая семейная идиллия под крышей собственного дома неожиданно оборвалась: в начале сентября сорок первого года вместе с сотнями тысяч других российских немцев семью Килей вывезли в далёкую Сибирь. И опять потянулись мрачные годы на грани голодной смерти, как это было в начале тридцатых годов. Не получалась пока у Килей долгая счастливая жизнь в уютном семейном «гнездышке» ...

Густава отправили в трудармию. Оставшись одна без любимого мужа, всю нежную и трепетную любовь к Густаву Эмили перенесла на своих детей, забота о которых представляла после его отъезда смысл её существования на этом свете. Вырастить детей как главную цель своей жизни она осознавала скорее инстинктивно, нежели осмысленно ...

Небольшие запасы еды, что они с Густавом впопыхах захватили с собой, спешно покидая насиженные места, несмотря на экономный режим потребления, неумолимо подходили к концу. Хлеба в колхозе давали мало, едва хватало на одну душу, а у неё их было ещё три. Эмили нанималась на работу к соседям, чтобы получить за это дополнительную еду к столу. Но таких немок, как она, желавших подработать, в посёлке было много, и поэтому за работу платили мало. Иногда ей удавалось выпросить у людей картофельные очистки, но экономные соседи скармливали их свиньям, а потому и очистки были большой редкостью.

Вскоре у Эмили вошло в привычку, идя на работу или с работы домой, мельком осматривать встречавшиеся по пути помойки: а вдруг выбросит какая-нибудь нерадивая хозяйка картофельные очистки или остатки чего-нибудь съестного со стола! Но и это случалось нечасто. Дети у матери заметно худели и стали прибалывать. Это сильно огорчало Эмили.

Как ни экономила молодая хозяйка, а пришло время, когда на стол ставить стало нечего. И пришлось женщине, скрепя сердце, идти на поклон к председателю колхоза и просить помощи, чего ей, живя за спиной мужа, делать ни разу в жизни не приходилось. Председатель колхоза, Пантелей Иванович Привалов, помогал иногда с питанием прибывшей под зиму «немчуре». Эмили слышала это от землячек. Вот и надеялась мать разжалобить его. Трое ведь у неё их, мал - мала – меньше ...

Председатель вздохнул и стал медленно с расстановкой объяснять, что в столь тяжёлое для страны время, когда идёт война, и всё отправляется на фронт, когда каждая крошка хлеба на вес золота, просить у колхоза хлеб — это преступление. Это значит потворствовать

врагам, то есть фашистам. И она должна его правильно понять, что при всём желании он не может помочь ей, потому что весь хлеб на учёте ...

...Эмили догадалась, что желал получить от неё председатель в обмен на хлеб для детей. Мгновенно пришёл ответ и на загадку, каким образом другие женщины «выбивают» у председателя продукты питания. Так же быстро она сообразила и то, чем может закончиться неуверенность и промедление с её стороны: тогда ей, видимо, придётся уйти из правления с пустыми руками ...

... После первой близости с Эмили поведение председателя колхоза к ней изменилось. Он стал охотно выделять её среди серой массы немок-переселенок и приветствовать, как бы шутки ради, по имени и отчеству. А если рядом не было посторонних людей, то позволял себе, дурашливо заигрывая с ней, легонько похлопывать женщину сзади ниже пояса.

«Вот же кобель шелудивый, — неприязненно думала о нём Эмили после очередной такой встречи, — пользуется, скотина, своей властью, чтобы унижать беззащитных баб! Воюет, гад, в тылу Родины с юбками, защитник Отечества липовый! И управы на него нет! На фронт бы тебя отправить, а то харю нажрал, что за неделю не обоср...!» ...

Видя, что Эмили долгое время не обращается к нему за помощью, председатель преднамеренно перевёл её на другую, ниже оплачиваемую работу, и, проработав в колхозе полный рабочий день, получать продукты питания она стала в значительно меньшем количестве, чем было прежде. Подработка у односельчан уже не покрывала недостаток в продуктах питания, и разница сразу же сказалась на столе ...

Встретив председателя, Эмили попросила его перевести её на прежнюю работу, чтобы она могла прокормить свою семью, на что тот сухо ответил, что в колхозе нет плохих или хороших работ. Все работы важны для скорейшей победы в войне с фашистами. А выбирать работу по вкусу, или которая была бы легче, непатриотично с её стороны ...

... Убедившись, что на улице никого нет, и её никто не увидит, Эмили скорыми шагами направилась в сторону правления колхоза. Под старыми подшитыми валенками предательски хрустели льдинки, и женщине казалось, что они злорадствуют, разглашая по селу тайну её грешных намерений. Холодно и равнодушно сияли на почерневшем небе звёзды, а ей чудилось, что они неодобрительно перемигиваются между собой, обсуждая её ...

...Пантелей Иваныч неторопливо развязал оба мешка, переложил часть содержимого из второго мешка в первый и, снова завязав, засунул второй мешок под стол, а первый, чуть приподняв над полом и крикнув от тяжести, поднёс к Эмили.

— Донесёшь сама? Идти-то далековато, — озабоченно произнёс он, заглянув ей в глаза.

Эмили молча кивнула — для своих детей да не донести?! Шутит что ли председатель? А мыслями уже была с детьми. Чем они там занимаются? Не натворили бы чего без неё ...

...Эмили стала хорошеть и округляться, и однажды сделала неожиданное открытие: одежда стала ей тесной в поясе. Вспомнив, что и пищу в последнее время она частенько пересаливала, об этом ей говорили дети, она заподозрила неладное.

— Беда, Пантелей Иваныч! Доигрались мы с тобой в тайную нашу любовь! Понесла я, кажется, от тебя, — плача поведала она председателю своё предположение.

...Уже вторые сутки Эмили ехала в поезде, а во рту ни росиночки. Чай, один только чай, да и тот без сахара.

— Придётся потерпеть немножко, Милюшка, — сказал ей, прощаясь на железнодорожном вокзале, скрупулёзный в таких делах Пантелей Иваныч. — А то приедешь к мужу кругленькая да гладенькая, словно сыр в масле, а он и спросит тебя, отчего мол, дорогая моя жёнушка, выглядишь так хорошо, когда кругом война, и люди все поизносились и тощие? Что ты ему ответишь? ...

...Поездка удалась, и Эмили всю дорогу домой проплакала, терзаясь от того, что так подло обманула верного ей Густава. А он, вопреки утверждению Пантелей Иваныча, не изменял ей, потому что женщин на сто вёрст вокруг не сыскать, да и жили трудармейцы в бараках за колючей проволокой. Где уж тут блуд тешить, даже если и сильно захочешь? ...

Спустя шесть месяцев после посещения мужа Эмили благополучно родила сына. Родила с обычной в их селе помощью бабки Агафьи, прирабатывавшей немного на жизнь передан-

ными ей по наследству навыками приёма родов. А спустя два месяца после родов сына Пантелей Иваныч привёз из района оформленное в ЗАГСе «Свидетельство о рождении», обещанное им, в котором дата рождения ребёнка была записана двумя месяцами позже. ...

«Не везёт женщине, ох, не везёт, — сочувственно думал Пантелей Иваныч, идя от дома к дому и собирая мужиков. — Много ли времени прошло, как с большими потугами удалось дело с внебрачным сыном уладить, а вот уж вторая беда нагрянула, старшего сына потеряла! Старший-то — кровный мужнин сын. То-то убиваться будет отец, как узнает о его смерти. Вот горе-то! Не дай Бог! Врагу не пожелаешь!» ...

В комнате стояла мёртвая тишина, и только маленький Густав временами нарушал её, требуя то смены пелёнок, то молока матери. Испуганные Анье и Эвели сидели на стареньком сундуке, прижавшись друг к другу, и со страхом смотрели на мать. Никогда ещё они не видели её в таком состоянии. Мать жила в каком-то ином, неведомом им мире, и совсем не замечала их присутствия. Лицо её было мертвенно-серого цвета, и если бы не горевшие лихорадочным светом глаза, то можно было подумать, что мать уже мертва и не знает только, где ей прилечь в последний раз ...

Эмили стала размышлять, почему всё произошло именно так, а не иначе. Но размышлять оказалось не о чём. Всё объяснялось просто: если бы не блуд, которым она тешила председателя и тешилась сама, не появился бы на свет Густав, и она не работала бы курьером. Дочери играли бы с Вальди, и не пришлось бы ей брать его с собой на работу. И тогда не выпал бы бедный мальчик из саней на растерзание голодным волкам, жил бы сейчас и радовался жизни вместе с сёстрами. Выходит, всё так и должно было случиться у неё, бесстыжей блудницы. Смерть сына — это плата за её грех.

С другой стороны, если бы Вальди не выпал из саней, то волки задрали бы и лошадь, и её, и Вальди. И тогда остались бы дочери и маленький Густав сиротами. Выходит, пожертвовав собой, Вальди спас их от сиротства и неминуемой голодной смерти ...

.....

Уже несколько часов Густав бродил по ночному зимнему лесу. Он понял, что сбился с дороги, но стоять на месте нельзя — замёрзнешь, и поэтому упорно продолжал идти вперёд в колючую морозную мглу.

Ветра в тайге не бывает — гуляет где-то вверху, а внизу под деревьями тишина, никакой метели, никакой позёмки. Твёрдый снежный наст образуется только ранней весной, когда под яркими лучами солнца снег начинает подтаивать. На календаре был февраль, и снег лежал рыхлый, как сбитая перина. Густав проваливался в невидимые ямы, спотыкался о корни деревьев, падал, зарываясь лицом в снег, вставал и снова шёл. Бледный мертвенный свет луны холодно струился с заиндевелога неба, и от деревьев и кустов на снег падали длинные чёрные тени. Чёрными казались и сами деревья, и Густав вскоре перестал реально воспринимать происходящее вокруг него. Он давно уже кружил по лесу. ...

Барак спал, а Густав, уставившись на верхний ярус нар, лежал с открытыми глазами и размышлял: «Надо же так случиться — заблудился в трёх соснах! Вроде бы и участок работы недалеко от лагеря, а поди ж ты! Не повезло! Просто не повезло! Хотя могло быть и хуже: не вышел бы близко к лагерю, и не нашли бы меня вовсе. Замёрз бы. Значит, хоть в этом повезло. Что же делать-то с руками? Снег может идти ещё долго, а гангрена тем временем не ждёт, ползёт к основаниям пальцев».

Он вспомнил, как однажды обнаружил в поставленном им капкане лапу волка. Рядом на снегу алели свежие пятна крови. Хищник, издали заметив приближавшегося охотника и понимая, что вырваться из капкана не удастся, отгрыз себе лапу и ушёл. Вид лапы в капкане произвёл на Густава сильное впечатление: волк предпочёл тяжёлую жизнь скорой смерти! Больно же ему было отгрызть лапу! ...

Трудармеец Густав Киль стал непригоден для несения службы в Трудовой Армии, и как только раны затянулись тонкой розовой кожицей, его выписали из больницы и отправили туда, откуда он был призван. Весной сорок третьего года Густав переступил порог дома. ...

... Со двора доносились пьяные голоса, звонко пиликала в руках Ерошки неутомимая гармошка, а они сидели рядышком на скамье в тенистом саду и вполголоса беседовали. Жар

желания был погашен, оба остыли, и пришло время трезво оценить то, что только что произошло.

— Зря мы это сделали, — печально молвила Эмили, — это ведь грех, который мне не замолить никогда. Раньше-то хоть мужа рядом не было. Грех тоже, конечно, но всё же ... объяснить как-то можно. А теперь что? И муж под боком, а согрешила. Зачем? Не простит мне этого Господь, вот увидишь, Пантелей Иваныч, не простит. За былой-то грех сыном Вальдемаром заплатила, а за этот — страшно подумать даже! ...

.....

... Густав-старший и председатель в это время сидели за столиком во дворике и беседовали о жизни, попивая жгучий первач. Увидев бегущих мальчишек, председатель окликнул их:

— Кто утонул?

— Густик! Густик Киль!

Лица мужчин побледнели. Оба как по команде вскочили со своих мест и бросились со двора. ...

Густав-старший шёл, отрешённый от всего, и размышлял о том, за какие же грехи Господь забрал у него последнего сына. Вальди он помнил таким, каким видел последний раз, уходя в трудармию. Смерти его он не видел, и тот остался в его памяти каким был, живым. Не было тогда отца рядом, вот и случилась беда. Будь он, Густав, дома, этого ни за что не произошло бы. Так он считал, тайно обвиняя в его смерти супругу — не углядела за сыном. Второй же сын, Густав, рос при нём, и отец сегодня был дома. Но погиб и он. При нём, при отце. Кого же теперь винить в смерти сына? ...

И когда стало ясно, что тела Густава найти не удастся, состоялись похороны — наложила Эмили руки на себя, не вынесла душевной тоски по сынам своим. Записка коротенькая осталась от неё — торопилась, видно, горемычная, когда писала: положите мол в гроб со мной шапочку и рубашку вместо сынов моих да поставьте на могилке рядышком с моим крестом слева и справа от него два других: один крест, что поменьше — для Вальди, а другой, что побольше — для Густава. Просила ещё мужа простить её, если что не так при жизни делала, да замолить грехи её перед Богом и перед ним, если он того пожелает. А что за грехи за ней числились, про то не написала. Ушла из жизни тихо, покорно, как свеча пред образами догорела. Догорела и погасла.

А гроб тот, что она украшала кружевами по канту, по ней как раз и вышел. Большенький сыночек-то Густав уже был. ...

.....

Вспомнился утренний разговор с супругой. Узнав, что он собирается пойти на кладбище, чтобы помянуть мать невестки, она хмыкнула, удивившись странной прихоти мужа, и спросила, кстати, почему он так противился дружбе дочери с её сыном. И Пантелей Иваныч проболтался, что дочь приходится Густаву кровной сестрой. Услышав такую новость, супруга сначала раскрыла от удивления рот, а затем расхохоталась:

— Как же, как же! Помню я «тяжёлое для нашей Родины время»! Ты тогда часто задерживался на работе со своими отчётами. Однажды я решила подсмотреть, что это за отчёты у тебя такие, что на семью времени не остаётся. А когда увидела, чем ты занимаешься, то со злости решила тебе отомстить. В самом деле, не разводиться же с тобой кобелём из-за твоего пристрастия! Ты Кузьму Лошкарёва помнишь, что умер три года назад? Помнишь, как он с войны домой вернулся, а дома никого нет? А сам-то без руки, хромой и такой болезный. Я и пожалела героя-фронтовика, «обогревала» его, пока он с Фроськой-вдовой не сошёлся. Так дочь-то твоя — от него! Выходит, мы с тобой квиты! И зря ты перечил дочке, не позволял с Густавом дружить! Может, и остался бы он в живых.

Пантелей Иваныч испуганно взглянул на супругу:

— Ты ... того, старая ... смотри, чтоб беды какой с дочерью не случилось! А то из-за тебя накажет Бог дитё невинное!

То, что с супругой ничего не случится, он не сомневался: Бог у жены — другой. А если что и случится ... Бог с ней!